

1904

~~1942~~
~~445~~

3-385-д.ч.

ДЕНЬ и НОЧЬ

~~22~~

ВЪ СТЕПИ.

~~12~~
~~45~~

Рассказъ ЗАХЕРЪ-МАЗОХА.

466346

~~12~~
~~45~~

431

Центральная Библиотека

Мав
1908

ХАРЬКОВЪ.

Тиражирія Южного Края.
1896.

28c

Дозв. ценз. Харьковъ. 6 го Марта 1896 года

12. 7
457

ДЕНЬ И НОЧЬ ВЪ СТЕПИ.

РАЗСКАЗЪ ЗАХЕРЪ-МАЗОХА.

Ахъ ты, степь моя,
Степь широкая.
Далеко ты, степь,
Пораскинулась.
Колцовъ.

431

І. ДЕНЬ.

Мнѣ захотѣлось въ степь, чтобы подстрѣлить пару дрохвъ. Это — охота, которая представляетъ невообразимую прелесть. Дрохва принадлежитъ не къ мелкой дичи, на которую настоящій охотникъ смотритъ съ презрѣніемъ; совсѣмъ наоборотъ: она превосходитъ величиною всѣхъ другихъ птицъ, и не жаль потратить на нее порошу. Фута четыре въ длину (корпуса) и до семи футовъ по ширинѣ крыльевъ, дрохва вѣситъ отъ двадцати до тридцати фунтовъ и съ своей гордой поступью да длинною бѣлою

1901
2632

бородою представляет могучій экзем-
пляръ изъ породы пернатыхъ. Нель-
зя только подойти къ ней близко,
приходится обращаться къ разнымъ
хитростямъ. Правда, цѣлымъ стадомъ
слетаются онѣ на засѣянные поля, и
особенно любятъ капусту и свеклови-
цу; но это самая пугливая птица,
какая только есть на свѣтѣ. Завидѣвъ
издали приближеніе охотника или за-
мѣтивъ что либо другое подозритель-
ное, дрохва, поднимается уже шаговъ
за пятьсотъ. Она будто сознаетъ свою
слабость, такъ какъ не можетъ разомъ
подняться вверхъ, а должна, такъ
сказать, размять свои крылья; полетъ
у нея тяжелый и низкій.

Есть, впрочемъ, различные средства
подступиться къ ней близко. Она
знаетъ „хлѣброба“ и поэтому не
боится его. Пока онъ пашетъ, сѣетъ
или жнетъ, эта птица разгуливаетъ
съ свойственной ей испанскою вели-
чавостью то сзади мужика, то впер-
еди, то рядомъ. Оттого привычный
охотникъ наряжается крестьяниномъ
и идетъ медленно, съ трубкою въ зу-
бахъ, настоящимъ крестьянскимъ ша-

гомъ, пока не подойдетъ на выстрѣль; но не легкое дѣло скрыть отъ птицы ружье. Она очень хорошо отличаетъ блескъ ружейнаго приклада отъ блеска косы или серпа.

Гораздо лучше разлечься въ крестьянскомъ платѣ въ простой телѣгѣ, а ружье спрятать въ солому, въ сѣно или маисъ, которымъ нагружена телѣга.

Мало этого: въ телѣгу надо запрещь не лошадей, а быковъ и ѣхать очень медленно; а погоньчъ крестьянинъ долженъ идти съ кнутомъ у телѣги.

Я выбралъ послѣднюю уловку. Вставъ до восхода солнца, вышелъ я изъ дому съ ружьемъ подъ мышкой; провожатый мой, землевладѣлецъ Янъ Валько, былъ уже на условленномъ мѣстѣ Низкую свою повозку, чтобы было удобнѣе лежать, онъ нагрузилъ сѣномъ и запрегъ двухъ бѣлыхъ быковъ съ чудными длинными рогами, точное подобіе лиры. Улегшись на спину, я примостился поудобнѣе, и поѣздъ медленно двинулся

Досуга у меня было столько, что я могъ свободно и внимательно осма-

тривать всѣ окружающіе меня предметы.

Мы проѣхали деревню, перебрались черезъ высокую зеленую рожь, колосья которой тяжело склонялись, черезъ непрочный мостокъ; затѣмъ выѣхали на мягкій роскошный бархатъ, — и передъ нами раскинулась степь.

Только теперь спереди, а скоро также справа и слѣва и позади насъ раскинулась степь, и когда солнце совсѣмъ взошло, она охватила насъ вполнѣ со всѣхъ концовъ. Сначала показывались еще длинные ряды почернѣвшихъ сноповъ сѣна, тамъ и сямъ стояли крестьяне, точившіе свои косы, или дѣвушки, собиравшія травы, съ красными платками на головахъ, выныряли, словно большаго размѣра маковъ цвѣтъ. А когда туманъ лѣниво сползалъ въ сторону, то вдали золотомъ блестѣлъ греческій крестъ деревенской церкви или показывался низкій овечій загонъ, виднѣлся колодезь съ журавлемъ. Далѣе поднимались не высокіе, поросшіе травой холмики, нерѣдко лежавшіе такъ тѣсно одинъ къ другому, какъ рядъ мо

гиль. И народъ впрямь такъ и называетъ ихъ могилами и считаетъ безмолвными памятниками какой-нибудь татарской кровавой схватки или давней казацкой битвы. Кой гдѣ рощицы оживляли травянистую равнину, жаборонки поднимались вверхъ изъ блестящей росы, и на нашихъ глазахъ совершилось превращеніе, оптическій обманъ: намъ представлялась уже не равнина, окропленная росой, а какая то безпредѣльно широкая зеркальная поверхность.

Постепенно холмы становились меньше, деревья рѣже, и, наконецъ, совсѣмъ исчезли, а съ ними смолкло пріятное щебетанье птицъ. Туманъ спустился на землю и разсѣялся. Мы перенеслись теперь въ самое сердце широкой, необозримой степи. И какъ прекрасно было здѣсь утро съ его блескомъ, съ его юношескимъ весельемъ.

На далекое пространство стелется роскошная изумрудная зелень, пахучіе злаки и пестрые цвѣты. Огромныя полосы, казалось, разрисованы желтымъ, краснымъ, бѣлымъ или си

нимъ, особенно желтымъ, и все это вмѣстѣ давало игру красокъ, такую сильную, такую веселую и праздничную, какъ радуга, лежащая на землѣ. Густою дымкою благовонный паръ поднимается вверхъ и лѣнливо качается при слабыхъ порывахъ воздуха; онъ бьетъ въ голову, опьяняетъ, обвораживаетъ, волнуетъ чувства, какъ ароматы азіатской красавицы.

Темно коричневые дрохвы шагаютъ въ травѣ и бѣлыя пятна на ихъ черныхъ крыльяхъ ясно виднѣются; аисты сонливо стоятъ на одной ногѣ, точно кающіеся факиры въ пустынѣ; коршуны кричатъ, орлы поднимаются въ эфиръ, тысячи насѣкомыхъ чиркаютъ, тысячи кузнечиковъ взлетаютъ передъ нами, потомъ опять опускаются и снова поднимаются, такъ что на движущейся слегка и блестящей пеленѣ равнины тянется непрерывная нить большихъ зеленыхъ искоръ.

И какъ только прислушаешься не много, тотчасъ замѣтишь, что степь далеко не такъ тиха, какъ показывается съ перваго раза. Тутъ под

слушаешь несмолкающее никогда жуужанье, трескъ, шипѣнье, свистъ, вздохи и другіе тоны, загадочные, какъ лепетъ малаго ребенка, лепетъ, полный какихъ то стремленій, недоступныхъ ничьему пониманію.

Солнце свѣтитъ такъ ярко; это то солнце, которое окрашиваетъ лица нашихъ русинъ красноватымъ загаромъ, такъ идущимъ къ ихъ важнымъ грустнымъ и рѣшительнымъ чертамъ. До послѣднихъ границъ горизонта не видно ничего, кромѣ широкаго раздолья, а надъ нимъ голубое небо и маленькія облачка, но здѣсь нигдѣ не откроешь серебристой нити ручейка

Стень голубѣетъ кругомъ насъ, какъ море, и такъ же, какъ море, расплывается вдали дрожащими блестками И не одна только земля кажется намъ разомъ такою огромною, такою безграничною; и небо также тянется дальше: и чудится, что оно тамъ, гдѣ то далеко, сливается съ землею Человѣку становится привольно, какъ птицѣ, которая свободно прорѣзываетъ воздухъ.

Какъ въ воздухѣ, такъ и въ степи ничто не стѣсняетъ нашего взгляда: нѣтъ тамъ ни города, ни башни, ни деревни, ни домика, нѣтъ вовсе слѣдовъ человѣческой ноги или колени какой нибудь телѣги. Природа здѣсь неосквернена, какъ и въ первобытномъ лѣсу; но въ лѣсу все мрачно, враждебно, все давить васъ, а въ степи со всѣхъ сторонъ—свѣтъ, веселье, свобода! И первобытный лѣсъ можетъ быть великъ, и тамъ тихо, и тамъ не встрѣтишь человѣка, но это безмолвіе и тишина наводятъ страхъ: здѣсь, думаете вы, конецъ всему живому, смерть и уничтоженіе; а спокойствіе степи, точно райскій міръ въ ту пору, когда жизнь еще не началась, точь въ точь смѣющееся утро накануне творенія. Такъ и кажется, будто съ минуты на минуту раздастся голосъ Господа, тотъ голосъ, которымъ онъ посылалъ пророковъ изъ пустынь и повелѣлъ народамъ раздѣлиться и разсѣяться по всей землѣ. Человѣческій глазъ нигдѣ не встрѣчаетъ препоны и ему не достаетъ только способности обнять міръ на

столько, насколько онъ открыть его внутреннему взору.

Я застрѣлилъ двухъ дрохвъ и одного большого коршуна; тѣмъ и кончилась моя охота; наступилъ уже полдень, удручающій своей неподвижной тишью и зноемъ—полдень степи. Вездѣ съ неба на землю потокомъ лилось жидкое золото. Ослѣпленному глазу не на чемъ было отдохнуть. Травяныя волны обдавали свѣтомъ; каждая былинка блестѣла отдѣльно, сама по себѣ. Въ воздухѣ слышался тихій трескъ, какъ отъ искръ электрическихъ. Наконецъ, на свѣтящемся небѣ обрисовался силуэтъ колодца съ журавлемъ, за клубился дымъ, завиднѣлась соломенная крыша, и изъ земли выросла хижина. Ясно послышалось также освѣжительное журчанье источника.

— Кому принадлежитъ хижина? спросилъ я своего мужика.

— Одной вдовѣ, отвѣчалъ онъ, лукаво улыбаясь.

Колеса нашей телѣги рѣзались въ высокой травѣ, и она падала на обѣ стороны. Сквозь открытую дверь видно

было красное пламя. Волы сами остановились. Я спрыгнулъ съ повозки. Изъ степнаго домика вышла молодая женщина, босая, съ голыми руками, съ черными волосами, беспорядочно развѣвавшимися. Она была одѣта въ вышитую красную рубаху и въ короткую синюю юбку. Она поклонилась намъ и спокойно окинула насъ своими великолѣпными, черными очами. Тонко очерченное лицо ея было такъ же темно смуглое, какъ земля, на которой она стояла ногами.

Въ такомъ видѣ, должно быть, вышла на встрѣчу Марку Аврелію египетская царица, прекрасная нильская змѣя, когда онъ пришелъ за тѣмъ, чтобъ сорвать съ нея корону, а она въ наказаніе сдѣлала его первымъ изъ своихъ рабовъ.

— Ну, нѣтъ-ли у тебя, Ева, чегонибудь поѣсть? спросилъ мужикъ, мой провожатый.

— Посмотрю, сказала она въ отвѣтъ.

Мы вошли въ домъ и присѣли отдохнуть. Она стала готовить обѣдъ. Утоливъ голодъ и жажду, мы тотчасъ

же растянулись на деревянныхъ скамьяхъ, которыя шли вдоль стѣнъ, и скоро уснули. Разбудилъ насъ конскій топотъ.

Въ комнату вошелъ молодой парень хорошо сложенный, съ лицомъ, внушавшимъ довѣріе съ перваго взгляда, очевидно, пастухъ. Своими большими голубыми глазами онъ посмотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ.

— А, это ты, Акинфъ? проговорилъ мужикъ.

— Да! А вы, вѣрно, охотились?

Онъ снялъ свою шапку и сбросилъ съ плечъ короткій бараній тулупъ на скамейку у печи.

— Конечно, мы охотились, отвѣчалъ крестьянинъ, а что тебя привело сюда?

— И не одного меня, сказалъ скромно Акинфъ, страшная буря черною тучею виситъ на небѣ и мы всѣ, кто только пасъ своихъ коней по близости, заблаговременно бѣжали отъ нея сюда.

Въ комнату вошли другіе пастухи, показалась и Ева; она ходила туда и сюда, не обращая вниманія на Акин

фа; оба ни разу не обмѣнялись ни однимъ взглядомъ и, однакожь, тотъ часъ же чувствовалось, что между ними существовали какія то отношенія.

— Это не ея ли возлюбленный? тихо спросилъ я у своего мужика.

— Который?

— Да, вотъ, этотъ, — Акинфъ.

— Навѣрное онъ будетъ имъ, ска залъ мужикъ въ отвѣтъ и вздохнулъ тяжело.

Между тѣмъ облака громоздились на облака; наступила темнота. Воцарилась зловѣщая тишина, просто страхъ наводившая. Душный воздухъ ложился на грудь, подобно горячему камню. Вдругъ заблестала молнія, начались раскаты грома и дождь уже полилъ на степь, яростно хлеща траву. Цѣлое море хлынуло на землю. Дико запѣнились волны. Куда ни глянешь, вездѣ увидишь только дико возмущенное водное зеркало, на которомъ одинокій степной домъ плавалъ, какъ ковчегъ среди потопа.

Ударъ за ударомъ слѣдовалъ непрерывно; каждый въ отдѣльности, ка

залось, вотъ вотъ расколетъ землю и потрясетъ ея основаніе вплоть до центра.

Затѣмъ, поднялся уроганъ, столь же яростный, какъ и оглушительная своимъ трескомъ и шумомъ, огненная гроза, гоня передъ собою мрачныя облака, разбивая волны въ разныя стороны, и элементы, такъ внезапно вырвавшіеся изъ своихъ оковъ, возвратились съ большою быстротою къ обычному покою.

Дождь прекратился, небо просвѣтлѣло, зеленая степь заблестѣла привѣтливо, будто обновленная Радуга разлила свой блескъ на раскинутую землю.

Пастухи вышли изъ дома, выгнали лошадей своихъ изъ стойлъ и вскочили имъ на спины. Тамъ же среди пастуховъ была и Ева; она шутила то съ тѣмъ, то съ другимъ, озираясь своими веселыми, искрометными глазами, и вдругъ будто охваченная какою то дьявольскою силою, схватила за гриву одну изъ черныхъ лошадей и въ мгновеніе ока вскочила на гор-

до заржавшее животное, безъ сѣдла, безъ уздечки

— Слушайте вы, парни, закричала она, кто меня догонить и возьметъ въ плѣнъ, тотъ можетъ меня поцѣловать.

Уже погнала она своего скакуна по стени, пастухи пустились вслѣдъ за нею съ дикимъ крикомъ Акинфъ, блѣдный, съ запылавшими дикимъ огнемъ глазами, скоро обогналъ всѣхъ. Напрасно Ева поворачивала свою лошадь въ разныя стороны и большими кругами направляла ее назадъ, къ степному дому; онъ нагналъ ее шаговъ за пятьдесятъ, на бѣгу схватилъ ее за талию и пересадилъ на свою лошадь; Евинъ скакунъ, чуя свободу, помчался впередъ, и Акинфъ поцѣловалъ крѣпко свою плѣнницу въ губы

Мой крестьянинъ разсмѣялся.

— Не даромъ она дочь знахарки колдуньи, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: она его околдовала

Вечерѣло, когда мы пустились въ обратный путь. Западное небо горѣло причудливо великолѣпными красками.

Вездѣ кругомъ насъ раздавалось журчаніе, бляенье и пѣніе. Солнце закатилось, не обрисовавъ ни малѣйшаго темнаго отраженія на успокоенной степи. Свѣтъ разсыпался по неподвижному морю травы, и исполинская тѣнь разомъ легла надъ всею землею

II. Н О Ч Ъ .

Прошли годы, — и вотъ, въ глубокую осень застигъ меня вечеръ въ степи. Къ сумеркамъ присоединились пары, окружившіе насъ, какъ прозрачный флеръ, и вдали сгущавшіеся все больше и больше. Деревья были почти безъ листьевъ и ихъ сучья поднимались вверхъ подъ сѣрымъ туманомъ, какъ руки утопленниковъ изъ воды. Прудъ блестѣлъ слабо, какъ свинецъ. Вѣтеръ съ визгомъ гулялъ по равнинѣ, обрывалъ послѣдніе листья съ вѣтокъ, бросая ихъ туда и сюда, какъ мячикъ.

Перелетныя птицы стадами летѣли низко, низко надъ травой, не издавая ни одного звука, копошась въ ку

старникахъ, и прыгали по вѣткамъ деревьевъ. Выше, подъ нахмуреннымъ небомъ, которое все больше и больше расчищалось, летѣли дикіе гуси, аисты, журавли, направляясь къ устьямъ Днѣпра и Дона.

Ночь быстро спустилась. Воцарившееся въ степи безмолвіе представляло собою нѣчто возвышенное, священный ужасъ охватывалъ насъ и звѣзды стали проглядывать, видимо, умножаясь, а когда наконецъ темная небесная твердь вся покрылась ими, число ихъ показалось мнѣ больше, чѣмъ прежде, чѣмъ въ какое либо другое время и въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. Образъ ихъ обрисовывался ясно среди сумрака земнаго, и онѣ казались такъ близки. Чудилось, будто мы ѣдемъ на небо, къ тѣмъ звѣздамъ, которыя пылали на горизонтѣ, какъ большущія свѣчи, поставленныя въ ожиданіи какого то ночнаго пира, а млечный путь виситъ блестящимъ мостомъ отъ земли къ облакамъ.

И когда лошади, тянувшія небольшой мой возокъ,плыли все дальше и дальше по зеленымъ волнамъ травы,

вдругъ что то заблестѣло на горизонтѣ сначала, какъ новая большая звѣзда, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, какъ исполинское пламя, пока наконецъ ясно поднялся вверхъ красивый, пылающій огненный столбъ

Мой кучеръ пріостановился, осмотрѣлся, покачалъ головою и сказалъ потомъ:

— Будь я собачій сынъ, если это горитъ не дворъ Евы Квириневой.

— Такъ гони туда

— Зачѣмъ?

— Чтобъ спасти что нибудь?

— Что можемъ мы спасти отъ такого балагана изъ дерева и соломы? Прежде чѣмъ мы доѣдемъ, не останется ничего, кромѣ кучи золы.

— Ну, все равно поѣзжай.

— Поѣду, коли пану такъ угодно, сказалъ кучеръ и повернулъ коней въ сторону. Степь застонала подъ колесами повозки, а потомъ мы опять покатали, какъ по мягкому бархату. Вдругъ изъ высокой травы вынырнула съ боку темная фигура. Она замахала руками въ нашу сторону, а потомъ бѣгомъ настигла насъ.

— Возьмите меня съ собою, молила она, возьмите; я заблудилась въ степи.

— Кто ты такая?

— Та дѣвушка, что служила въ степной хатѣ у Евы Квириневой.

— Въ степной хатѣ? Да тамъ горить. Туда то мы и поѣдемъ, чтобы спасти

Дѣвушка сдѣлала движеніе рукою, которое яснѣе всякихъ словъ говорило, что тамъ спасти больше нечего было

— Что было причиною пожара? возразила дѣвушка, какъ будто удивленно; отъ чего загорѣлось? конечно, она зажгла, свой домъ. Кто могъ запретить ей спалить свой собственный домъ? Она уже не разъ хотѣла сдѣлать это

— Кто? Ева Квиринева?

— Ева Квиринева, пошли ей Богъ царство небесное

Огненный столбъ исчезъ; только видно еще было, какъ поднимается дымъ, слегка окрашенный потухающимъ пламенемъ

— Теперь все кончено, со вздохомъ сказала дѣвушка

— Что такое кончено? закричалъ я; Расскажи пожалуйста.

— Случилось это сегодня о полудни, начала она: солнце стояло уже низко, когда передъ нашей хатой не ожиданно остановился панъ Делгопольскій; онъ былъ верхомъ, возвращался съ охоты или, не знаю, откуда. Довольно сказать: онъ былъ очень утомленъ, остановилъ лошадь и свистнулъ. Я выскочила изъ хаты и схватила поводья, но на порогѣ вдругъ появилась сама хозяйка

— Ева Квиринева? спросилъ кучеръ.

— Да кто жъ, какъ не она? продолжала дѣвушка. Увидавъ благороднаго пана, она улыбнулась очень зло. О, улыбаться умѣла она такъ зло, что и у храбреца замерло бы въ груди сердце.

— Неужто панъ такъ милостивъ, что еще разъ навѣстилъ меня? начала она такимъ голосомъ, что страхъ на меня наналъ

— Явился я совсѣмъ: не съ тѣмъ, чтобы навѣстить тебя, гордо отвѣтилъ панъ Делгопольскій: я заблудилъ, усталъ до смерти и хочу отдохнуть подъ твоею крышею.

Онъ слѣзъ съ лошади, привязалъ ее, и Ева Квиринава пошла съ нимъ въ комнату. Онъ шелъ впередъ, а она за нимъ слѣдомъ. На дверяхъ она обернулась и кивнула мнѣ, чтобы я не входила. Вотъ я осталась около лошади, нарвала травы и дала ей поѣсть, потомъ принесла воды и напоила. Я слышала, какъ оба громко говорили въ комнатѣ, громко и съ сердцемъ. Что за причта? Изъ за чего это они горячатся? подумала я, но не шевельнулась.

Потомъ все затихло. Хозяйка входила и выходила на цыпочкахъ. Разъ постояла она передъ хатою, подержала руки надъ глазами и поглядѣла во всѣ стороны, не идетъ ли кто сюда.

Солнце зашло; стемнѣло. Вдругъ выходитъ хозяйка; она нарядилась съ головы до ногъ, какъ въ церковь или на ярмарку: надѣла красные сапоги, пеструю юбку, а поверхъ нижней

свѣжей сорочки, какъ снѣгъ, бѣлой, накинута была новая шуба, изъ бѣлой ягнячьей шерсти, крытая синимъ сукномъ; на шеѣ у нея навѣшено было не меньше десяти нитокъ коралловъ и дукаты, такъ что все блестѣло, а голова повязана краснымъ шелковымъ платкомъ. Какая это была красивая баба, какъ я посмотрѣла на нее въ такомъ нарядѣ!

„Что это она затѣяла?“ подумала я

— Подай мнѣ веревки, сказала она тихонько

— На веревкахъ бѣлье висить, возразила я.

— Такъ сбрось его на земь, долой сбрось, сказала она, и подай мнѣ веревки.

Я подала ихъ, а она вошла въ хату; тихо, какъ кошка, она туда пробралась.

„Къ чему это понадобились ей веревки?“ подумала я, тихо подошла къ окну комнаты и заглянула. Меня они не могли видѣть, такъ какъ на дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло, а я ясно видѣла все, что происходило въ комнатѣ.

потому что Ева Квиринаева зажгла свѣчу и поставила ее на столѣ; я слышала также все, что они говорили, такъ какъ окно было разбито и только кое какъ, на скорую руку заклеено бумагой.

Панъ Делгопольскій спалъ на скамьѣ у печки. Такъ какъ свѣтъ упалъ теперь на него, то я увидѣла, что она опутала его веревками, связала ему руки и ноги и прикрѣпила его къ скамьѣ.

Когда онъ проснулся, Ева Квиринаева подсѣла къ нему. Онъ силился пошевелинуться, подняться, но веревки ему мѣшали.

— Что это за штука? закричалъ онъ, и къ чему этотъ праздничный нарядъ?

— Сегодня — для меня большой праздникъ! отвѣчала Ева: пришелъ день, когда я вамъ могу отомстить.

Панъ Делгопольскій напрасно рвался въ веревкахъ, потомъ громко началъ звать на помощь, но никто, кромѣ меня, его не слышалъ, а какъ я могла помочь ему — я, бѣдная, слабая дѣвушка?

Ева Квиринева спокойно сидѣла такъ, скрестивъ руки на груди, и смѣялась. Какой это былъ страшный смѣхъ!

— Замолчите, или я вырѣжу вамъ языкъ, сказала она наконецъ, вскочила и схватила ножъ.

Онъ замолчалъ.

Очевидно, онъ зналъ ее, зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Она была въ состояніи все сдѣлать, что разъ сказала. Увидавъ, что онъ сдался ей, она бросила ножъ на столъ и опять подѣла къ нему.

— Каетесь ли вы въ томъ, что вы со мной сдѣлали? сказала она спокойно, даже гордо.

— Неужели долженъ я покаяться въ томъ, что назвалъ своею красивую женщину? насмѣшливо возразилъ панъ Делгопольскій, не предчувствуя еще, что ему предстояло, а ты и сегодня еще такъ хороша, Ева. Подойди же да поцѣлуй меня.

— Оставьте шутки, сказала она строгимъ голосомъ, вы скверно поступили со мною, очень скверно, какъ самъ чортъ, вы со мною поступили.

Я по любви вышла замужъ за Акинфа, я родила ему трехъ прелестныхъ дѣтокъ. Тутъ пришли вы.

— Развѣ ты не вѣдьма и не дочь вѣдьмы? Развѣ ты не поддала мнѣ любовнаго зелья?

— Да, я это сдѣлала

— Чего жъ тебѣ еще хотѣлось?

— Я полюбила васъ и хотѣла видѣть васъ въ своихъ объятіяхъ, сказала Ева.

— Въ твоихъ объятіяхъ! вскрикнулъ панъ Делгопольскій. Тебѣ хотѣлось видѣть меня у своихъ ногъ, и ты достигла этого. Какъ нищій, добивался я твоей благосклонности, добивался, какъ благосклонности какойнибудь царицы.

— Хорошо, хорошо, воскликнула она, а потомъ? Развѣ я не сдѣлала васъ счастливымъ? Развѣ, когда мой мужъ—когда Акинфъ, когда этотъ дурень грозилъ мнѣ, развѣ я не... не поддала я развѣ ему яду, а потомъ и дѣтямъ, всѣмъ, всѣмъ моимъ дѣтямъ, когда они вамъ наскучили? говорила она, и все спокойно, не волнуясь.

— Развѣ я требоваль этого отъ тебя, страшная женщина? закричалъ онъ

Она не обратила на это вниманія и продолжала:

— Но вы познакомились въ какой-то день съ богатою барыней, бѣленькой и съ свѣтлыми локонами, которая одѣвалась въ бархатъ, шелки и соболи, и вы мнѣ измѣнили, насмѣялись надо мною, выгнали изъ своего двора, натравивъ на меня собакъ, а барышню сдѣлали своею женою. Не такъ ли дѣло было? Да, все было такъ, и за это я теперь васъ убью

— Безумная! завопилъ онъ.

— Я въ полномъ умѣ, возразила Ева. Потомъ она встала, нанесла кучу соломы и сѣна и зажгла

— Что ты дѣлаешь? спросилъ онъ, поблѣднѣвъ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Я зажигаю мой домъ, сказала она съ своею злою улыбкою, оба мы умремъ въ пламени

Тутъ я хотѣла ворваться въ комнату, сама не знаю, зачѣмъ, я, бѣдная слабая дѣвушка, я пыталась толчками открыть дверь, но она была за-

горожена и засовомъ задвинута; я зва-
ла по имени Еву Квириневу, звала
на помощь, но на мои крики отвѣ-
чалъ только трескъ огня, да вѣтеръ,
жалобно стонавшій надъ широкою
печальною землею. Невыразимый ужасъ
объялъ меня, я не могла даже мо-
литься и, какъ безумная, бѣгомъ пус-
тилась въ степь.

Теперь мы, всѣ разомъ, глянули
по направленію, гдѣ стояла хата Евы
Квириневой. Огонь потухъ, дымъ раз-
сѣялся и кругомъ на далекое про-
странство виднѣлась одна только спо-
койная, торжественная, озаренная
звѣздами степная ночь.

